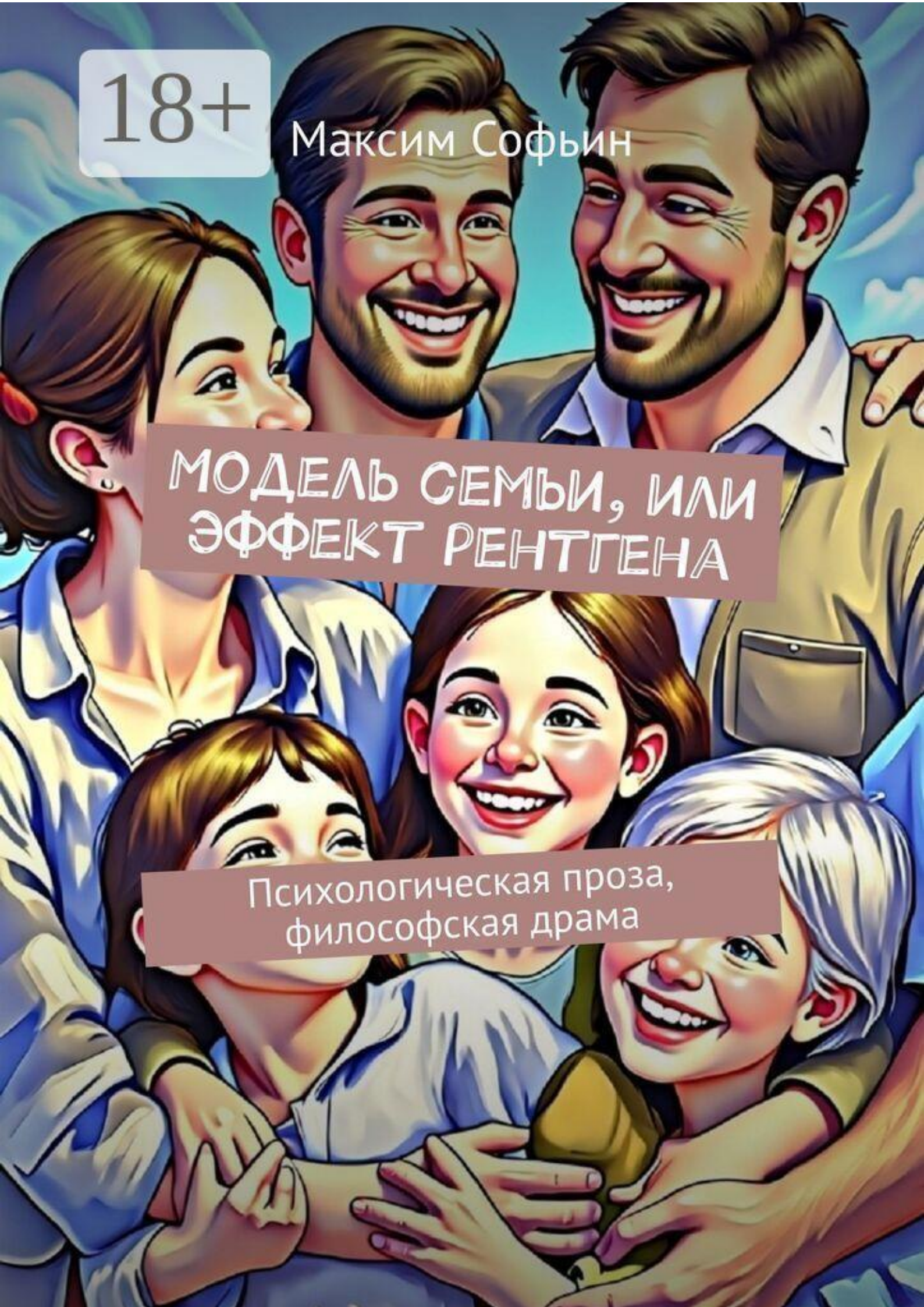

18+

Максим Софьин

МОДЕЛЬ СЕМЬИ, ИЛИ ЭФФЕКТ РЕНТГЕНА

Психологическая проза,
философская драма

Максим Софьин

**Модель семьи, или Эффект
рентгена. Психологическая
проза, философская драма**

«Издательские решения»

Софьин М.

Модель семьи, или Эффект рентгена. Психологическая проза,
философская драма / М. Софьин — «Издательские решения»,

«Модель семьи» играет большую роль в отношениях. Два партнёра начинают жить вместе, и оказывается, что всё в житейских делах у каждого было по — разному в семье. Успешный психолог, выросший в идеальной семье, пытается построить отношения с женщиной из «другого мира», невольно превращая любовь в клинический анализ. Но когда быт обнажает шрамы прошлого, ему предстоит выбрать: остаться диагностом чужих душ или стать живым человеком.

© Софьин М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Архитектура тишины	7
Глава 2. Изнанка сценария	9
Глава 3. Осколки	11
Глава 4. Точка невозврата	13
Глава 5. Изнанка карты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Модель семьи, или Эффект рентгена

Психологическая проза, философская драма

Максим Софьин

Дизайнер обложки Chat GPT MAX

© Максим Софьин, 2026

© Chat GPT MAX, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3107-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман:

Модель семьи или Эффект рентгена

Об авторе:

Писатель. Практикующий психолог с 2001 г. (семейный, спортивный, клинический). Психолог — эксперт ТВ и Радио (1 Канал, Россия 1, ОРТ, ТНТ, НТВ). Спикер Всероссийских и Международных образовательных форумов и конгрессов для психологов и игротрафиков. Член Российского психологического общества. Магистр образования, НЛП мастер. Сертифицирован по направлениям: БизнесИгроТренер, Краткосрочная психотерапия, Эриксоновский гипноз, Интенсивная семейная терапия.

Автор «Квантово-матричные расстановки» (бизнес, семья, отношения)

Автор Трансформационных психологических игр «Квантовая матрица судьбы», «Матрица действий».

Автор проекта «Успех в жизни или Успешные люди», который проводил в детских домах, в совместных тренингах с Ирина Хакамада, Олег Рой, Бату Хасиков, Ольга Шелест и многие другие.

Лучший психолог Москвы (конкурса профессионального мастерства «Московские мастера» по профессии «Психолог» в 2019 г).

Жанр:

Психологическая проза, философская драма.

Аннотация:

Успешный психолог, выросший в идеальной семье, пытается построить отношения с женщиной из «другого мира», невольно превращая любовь в клинический анализ. Но когда быт обнажает шрамы прошлого, ему предстоит выбрать: остаться диагностом чужих душ или стать живым человеком.

Предисловие:

Судя из практики — жизненной и профессиональной, я убедился в том, что «Модель семьи» играет большую роль в отношениях. Работая в детских домах и реабилитационных центрах для детей, прослеживается модель не полной семьи, неблагополучной. Поэтому дети,

когда вырастают и отправляются в свободный мир, не знают как строить отношения с партнёром, вести хозяйство, разговаривать, общаться и вместе проводить досуг.

Два партнёра начинают жить вместе, и оказывается, что всё в житейских делах у каждого было по — разному в семье. Вы можете смеяться, но я работал с молодой парой, которые разбежались только из — за того, что салат «Оливье» в каждой семье готовили по — разному, у него — из курицы, а у неё — из колбасы. Они долго не могли договориться из чего же делать и когда выбрали курицу, девушка перенесла её из кастрюли, которая стояла на плите, на стол, и закапала весь пол жиром. Закончилось всё словами, посвященными куда идти и на что идти! Слава богу, всё разрешилось хорошо, по одной консультации на каждого, и они опять съехались, и жили долго и счастливо, надеюсь и сейчас живут.

Поэтому, тема совместного досуга, жилья — проста как три копейки, но плачевна от статистики развода по этим причинам!

Мытьё полов — какой тряпкой и какой шваброй, мойка окон, ванной, унитаза, раковины. Как, где и сколько вешать полотенца в ванной и на кухне (оказывается не все их используют). Уборка квартиры и пыли (оказывается, кто убрал и вытер, тот и знает где что лежит и должен это делать всё время, так как у него «лучше» получается). Заправлять кровать сразу или потом, садиться завтракать после того, как умылся или после того, как встал с кровати, убирать посуду сразу со стола или потом.....

Трудно перечислить все нюансы, но их действительно много и у каждой семьи свои традиции, действия, поступки и привычки.

Так что, друзья, когда начинаете встречаться, не спешите бежать в ЗАГС, а знакомьтесь с родителями, родственниками своих партнёров и смотрите, сравнивайте Модели семьи. Несовместимость бывает не только в постели, но и в быту.

В данной книге герои имели свои Модели семьи и травмы, с которыми приходилось считаться каждому партнёру, где — то уступать, подстраиваться. Ибо семья — это терпение, мудрость, и большой труд двух взрослых людей, взявших обязательства, друг за друга и ответственность, прежде всего перед самим собой!

Глава 1. Архитектура тишины

Александр просыпался за пятнадцать минут до будильника. Это было не правило, а физиология, отточенная годами. В квартире царил тот особый вид тишины, который возможен только там, где каждая вещь знает свое место.

Он встал, поправил край одеяла — складка должна быть идеальной, — и прошел на кухню. Кофемашина тихо жужжала, словно одобряя его ранний подъем. Александр обвел взглядом помещение. На столе — ваза с фруктами. Яблоки вымыты, бананы лежат гроздью, ни одного коричневого пятна. Полотенца на рейлинге висят симметрично, цветными полосками наружу.

Для кого-то это было бы педантизмом, для Александра — языком любви. Так учили родители, которые уже в 23 года жили самостоятельно и имели кооперативную двухкомнатную квартиру. Папа, молодой и амбициозный, начальник участка в строительной организации и комсорг, мама, директор продуктового магазина, превратили быт в сакральное действо. Он помнил тонкий и изящный запах маминых духов, и тяжелую, приятную на ощупь медаль из желтой монеты, которую отец вручил ему за «Лучшую уборку квартиры». Тогда, в десять лет, он понял: порядок — это не скучно. Порядок — это безопасность. Это когда ты знаешь, где лежит нож, и знаешь, что отец не придет домой пьяным, а мама не будет плакать на кухне, как было в других семьях.

Александр налил кофе и подошел к книжному шкафу. Книги Стругацких, Беляева, Жюль Верна стояли в строгом алфавитном порядке, их читала мама ему уже с третьего класса. Ниже — философия. Библия, Бхагават-Гита, Коран, Лазарев, Рерих, Блаватская, Свияш, Синельников, Мегрэ, Зеланд, он читал их в шестнадцать, пытаясь найти формулу, которая объяснит, почему мир устроен именно так, а не иначе. Он искал идеальный код. И ему казалось, что он его нашел.

— Саш, ты опять кофе без меня пьешь?

В дверях кухни появилась Елена. Она щурилась от света, растрепанная, в его огромной футболке. Она была красивой той дикой, неухоженной красотой, которая притягивала его, как магнит притягивает железо, и одновременно пугала, как открытый огонь.

— Я только налил, — улыбнулся он, протягивая ей вторую чашку. — Тебе, как всегда, с молоком.

Елена взяла чашку, чмокнула его в щеку и села на стул. Она поставила сумку на пол, рядом с ножкой стола. Не на вешалку. Не на отведенную полку. Просто бросила.

Александр заметил это. Мгновенно. Невидимый сканер в его голове щелкнул: «Игнорирование границ пространства. Признак хаотичного воспитания. В её семье вещи не имели ценности, люди тоже».

Он тут же одернул себя. «Стоп. Не начинай. Она просто устала».

— Как спалось? — спросил он, садясь напротив.

— Нормально. Снилось какая-то ерунда. Опять этот ремонт в старой квартире, стены двигаются, — она отпила кофе и оставила на столе мокрое кольцо от дна чашки.

Александр смотрел на кольцо. Вода уже начала растекаться по лакированной поверхности. Его пальцы дернулись, желая тут же схватить тряпку. В его мире мокрое кольцо на столе было равносильно мелкой утечке газа: незаметно, но система нарушена.

— Лен, — мягко сказал он. — У нас есть подставки.

Она вздохнула, и в этом вздохе он услышал не извинение, а усталость от необходимости соответствовать.

— Саш, я сейчас вытру. Не начинай лекцию с утра.

— Это не лекция. Это просто... уважение к вещам.

— Вещам? — она усмехнулась. — Саш, ты иногда говоришь как заведующий складом, а не как муж.

Она встала, быстро смахнула воду рукавом футболки и вышла из кухни. Александр остался один. Тишина вернулась, но теперь она казалась тяжелой. Он посмотрел на свои руки. Руки человека, который умеет делать перевороты в дзюдо, играть на скрипке Мендельсона и диагностировать посттравматическое расстройство по движению бровей. Но он не знал, как сказать женщине, что он любит её, не анализируя при этом её детство.

Он называл это «Эффектом рентгена». Когда он смотрел на Елену, он видел не только её лицо. Он видел её отца, который, скорее всего, кричал на мать. Он видел её мать, которая, вероятно, глушила тревогу вином. Он видел ту квартиру, где полотенце бросали на край ванны, потому что «зачем заморачиваться, всё равно все будут им вытираться».

Прежде чем коснуться губ, стоило бы коснуться дверной ручки в доме её родителей. Но туда его не пускали. Туда пускали только призраков, которые теперь жили в их общей спальне.

Глава 2. Изнанка сценария

Центр реабилитации располагался в старом здании, пахнушем казенной краской и вареной капустой. Но в кабинете Александра пахло лавандой и старой бумагой. Здесь он был не мужем, не сыном, а проводником.

Напротив него сидел четырнадцатилетний Макс. Паренек дергал ногой, теребил шнурок на кроссовке.

— Она опять звонила, — буркнул Макс, не поднимая глаз. — Мать. Спрашивала, когда я вернусь. Говорит, у неё новый муж, ему нужно место для компьютера.

Александр кивнул. Он видел, как напряглись плечи мальчика. Это было физическое воплощение отвержения.

— Что ты почувствовал, Макс?

— Да пофиг. Мне тут нормально. У вас еда есть, интернет не тупит.

— «Пофиг» — это защита, — спокойно сказал Александр. — А внутри?

Макс наконец поднял глаза. В них стояла та самая первобытная тоска, которую Александр видел в зеркале, когда ему было столько же лет, только у него-то родители были дома.

— Внутри пусто, док. Как будто меня выключили.

Александр почувствовал укол в груди. Он знал это чувство. Но у него была инструкция, как с ним справляться: уборка, скрипка, книга. А у Макса не было инструкции. У Макса был только хаос.

— Знаешь, Макс, — Александр откинулся на спинку кресла. — Семья — это невидимый чертеж. Мы строим свою жизнь по нему, даже если клянемся всё переделать. Твоя мама строит по своему чертежу. Ты сейчас пытаешься нарисовать свой. Это больно, когда чертежи не совпадают.

— Вы всё умно говорите, — Макс хмыкнул. — А сами-то вы счастливые? У вас же всё... — он обвел рукой кабинет, — правильно.

Александр замер. Вопрос повис в воздухе, как пыль в луче света.

— Я учусь, — честно ответил он. — Быть счастливым — это не состояние, Макс. Это навык. Как дзюдо. Тебя могут бросить на мат, но важно, как ты встанешь.

После сеанса Александр долго мыл руки. Вода была горячей, пена густой. Он тер ладони, пытаясь смыть не грязь, а чужую боль. Работа в центре накладывала отпечаток. Он видел «изнанку» тех семейных сценариев, о которых люди в обычном мире задумываются слишком поздно. Для его подопечных «дом» был местом, откуда спасали. Для него — крепостью.

Но возвращаясь вечером домой, он ловил себя на профессиональной деформации. Елена готовила ужин. На кухне пахло жареным луком. Она нарезала хлеб, и нож скрипнул по доске.

— Ты режешь на весу, — заметил он, снимая пальто. — Это опасно. Доска скользит.

Елена замерла с ножом в руке. Медленно повернулась.

— Саш, иди переодейся. Пожалуйста.

— Я просто забочусь о твоей безопасности.

— Ты контролируешь! — её голос дрогнул. — Ты не видишь меня. Ты видишь объект для коррекции. Я для тебя как Макс из центра? Как кейс?

Она швырнула нож на доску. Хлеб упал на пол.

— Вот! — крикнула она. — Упало. Грязно. Неправильно. Тебе же сейчас больно, да?

Александр смотрел на хлеб на полу. Да, ему было неприятно. Но в этот момент ему стало страшнее за другое. За то, что он превратил их кухню в поле для наблюдений. Он знал механизмы формирования привычек слишком хорошо, чтобы просто наслаждаться моментом. Для него быт перестал быть просто порядком. Это был гербарий из травм и традиций.

— Прости, — тихо сказал он.

— Не извиняйся, — Елена отвернулась к плите. — Просто перестань меня лечить. Я не сломана. Я просто другая.

Она была права. И это было самое трудное признание. Излечивая чужие семьи, он всё чаще задавался вопросом: сможет ли он сам уберечь свою любовь от разрушительной силы прошлого, которую он так ясно видел в других? Или его собственный «идеальный код» окажется слишком жестким для живой жизни?

Глава 3. Осколки

Однажды вечером, когда за окном выл порывистый осенний ветер, нагнетая тоску в углы комнаты, они пили чай. Елена была нервной весь день. На работе аврал, мама звонила и снова просила денег, которых нет.

Она тянулась к сахарнице, стоявшей на краю стола. Локоть задел ручку любимой кружки Александра. Той самой, с отбитым краем, которую он любил за то, что она «живая».

Кружка упала. Звон фарфора был негромким, но в тишине квартиры он прозвучал как выстрел. Осколки разлетелись по плитке. Чай растекся темной лужей.

Елена замерла

Александр видел, как изменилось её лицо. В её глазах на мгновение промелькнул тот самый первобытный ужас, который он видел ежедневно у своих подопечных. Зрачки расширились. Дыхание сбилось. Она вжалась в стул, прикрывая голову плечами.

Она ждала удара. Крика. Или, что ещё хуже, ледяного презрения, молчаливого бойкота на неделю. В её сценарии разбитая посуда означала катастрофу. Означала, что она плохая. Означала, что любовь отменяется.

«Классическая реакция на ожидаемую агрессию, — привычно пронеслось у него в голове. — Триггер. Детская травма. Нужно провести заземление. Сказать, что это не страшно. Объяснить, что фарфор — это всего лишь глина...»

Он уже открыл рот, чтобы озвучить терапевтическую фразу. Успокоить её через логику. Вернуть в реальность.

Но в этот момент он увидел не «кейс» и не «пациентку». Он увидел женщину, которая дрожит от страха перед ним. Перед человеком, который любит её. Перед человеком, который никогда не поднимал на неё голоса.

Его аналитический ум, ставший его щитом, одновременно был и стеной, мешавшей ему просто быть рядом.

Александр молча встал. Он не стал говорить. Не стал объяснять. Он подошел, обнял её со спины и просто уткнулся лбом в её плечо. Он почувствовал, как напряжены её мышцы, как часто бьется сердце под ладонью.

— Это просто кружка, — прошептал он в ткань её футболки. — Мы живы. Мы вместе. Осколки уберем потом.

Елена выдохнула. Долго, судорожно. И обмякла, опираясь на него всем весом.

— Я думала... — начала она, но голос сорвался.

— Тш-ш, — он поцеловал её в шею. — Всё хорошо.

В эту секунду он сознательно заглушил в себе профессионала. Он понял, что любовь не нуждалась в диагнозе. Она нуждалась в пространстве, где можно ошибаться, не боясь быть препарированным.

На следующее утро, придя в центр, он посмотрел на детей иначе. Он сидел перед тем же Максом, но внутри него что-то сдвинулось.

— Знаешь, Макс, — сказал Александр. — Я вчера кое-что разбил.

Парень удивленно поднял бровь.

— И что? Ругали?

— Нет. Меня обняли.

Александр осознал, что восстанавливает не просто «книгу» или «код» для этих детей. Он дает им шанс на тишину. На ту самую тишину, в которой не нужно расшифровывать шаги отца в коридоре или тон голоса матери. Тишину, где разбитая чашка — это не приговор.

Его личный вызов заключался в том, чтобы научиться не только видеть травмы, но и оставлять за дверью своего кабинета желание всё классифицировать.

Вечером он пришел домой раньше обычного. Елена еще не вернулась. Александр зашел на кухню. На полу, где вчера была лужа чая, было чисто. Но он заметил, что подставка под горячее лежит не параллельно краю стола, а чуть криво.

Раньше он бы поправил. Автоматически.

Сейчас он посмотрел на кривую подставку. Улыбнулся.

Пусть лежит.

Мир не рухнет. Порядок может подождать. Главное — не идеальная геометрия вещей, а тепло, которое остается, когда кто-то ставит на стол чашку, не боясь её уронить.

Он достал из шкафа две чашки. Поставил их на стол. Не на подставки. Просто на дерево.

И стал ждать.

Впервые за долгое время он не знал, что будет дальше. И этот неизвестный сценарий не пугал его. Он был живым.

Глава 4. Точка невозврата

Ветер за окном усилился, срывая последние желтые листья с кленов. Елена сидела на краю дивана, держа в руках конверт. Бумага шуршала, нарушая привычную тишину квартиры.

— Мне предлагают работу, — сказала она тихо. — В другом городе. Ведущим художником в студии. Это шанс, Саш. Такой больше не будет.

Александр стоял у окна. Его отражение в стекле было четким, ровным. Внутри же всё сдвинулось с насиженных мест. Как вещь, которую взяли с закрытыми глазами, но не нашли на привычном месте.

— Другой город, — повторил он. — Это значит сборы. Переезд. Новая квартира.

— Да, — Елена смотрела на него с надеждой и страхом. — Ты поедешь со мной?

В его голове мгновенно развернулся график. Работа в центре. Пациенты. Привычный маршрут. Идеальный порядок вещей, где он мог с закрытыми глазами взять любую вещь. Переезд означал хаос. Коробки, пыль, неизвестность.

Всплыло воспоминание. Ему двенадцать лет. Родители обсуждают ремонт.

— Не нужно раз в неделю делать генеральную уборку, — говорил тогда отец, раскладывая чертежи на столе. — Нужно каждый день просто поддерживать порядок. Тогда хаос не успеет накопиться.

Для Александра жизнь была именно такой: ежедневное поддержание баланса. А переезд — это генеральная уборка всей жизни. Снос стен, пыль по углам.

— Лен, — начал он, выбирая слова, как на экзамене по литературе, который когда-то проверяла мама. — Моя работа здесь. Мои пациенты...

— Твои пациенты, — перебила она. — А я? Я тоже пациент? Ты меня лечишь каждый день, Саш. Ты смотришь на меня своим рентгеном и видишь трещины. Может, там, где нет нашей истории, трещин не будет видно?

Она встала и вышла на балкон. Александр остался один. Он подошел к вазе с фруктами и конфетами. Яблоки лежали ровно, как всегда. Правило дома: гость должен быть напоен чаем и конфетами. Но сейчас гостем была сама жизнь, и она не хотела чая. Она хотела движения.

Он вспомнил, как друзья любили приходить к нему в детстве. У них дома было грязно, родители ругались, а у Саши — фрукты и конфеты в вазе ежедневно и уют. Но сейчас он понял: друзья приходили сюда, потому что здесь было безопасно. А Елена уходила, потому что здесь было слишком безопасно. Слишком стерильно для неё.

Глава 5. Изнанка карты

На следующий день в центре произошло ЧП. Макс не вернулся с прогулки. Телефон выключен.

Александр чувствовал вину, холодную и липкую. Его «правильные слова», его терапевтические техники не сработали. Он понимал механизмы формирования привычек слишком хорошо, чтобы не знать: когда давление слишком велико, система ломается.

Он вышел на улицу. Вечерний город встретил его запахом сырости и дешевого табака. Александр шел по местам, где часто тусовались сбежавшие подростки. Под мостом, у вокзала, в заброшенных подъездах.

Его ботинки пачкались в грязи. В его квартире пол мыли каждый день, здесь же грязь казалась вечной. Он вспомнил, как в детстве читал Жюль Верна и Беляева. Там путешествия были романтикой. Здесь, в темном переулке, путешествие было выживанием.

— Макс! — крикнул он в темноту. Голос сорвался.

Никто не ответил. Только где-то далеко лаяла собака.

Александр остановился, переводя дух. Он вспомнил, как в четырнадцать лет у него родилась сестра. Пубертатный период, время эгоизма и бунта, а у него появилась ответственность. И он не воспринимал это как обузу. Он с удовольствием стирал пелёнки, ходил гулять с коляской и укачивал поочерёдно с родителями.

Ему нравилось это делать. Не потому, что «надо», а потому что в семье было полное доверие, взаимовыручка, правда и любовь. Он чувствовал себя нужным. А Макс? Макс чувствовал себя лишним.

— Я не могу дать ему то, что дали мне, — прошептал Александр в темноту. — Я могу дать только методы. А ему нужны руки.

Он достал телефон. Позвонил Елене.

— Я найду его, — сказал он. — Даже если мне придется обыскать весь город.

— Саш, будь осторожен, — её голос звучал тревожно. — Не играй в героя.

— Это не игра. Это... проверка уроков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.